

УДК 314/316(470+571)
DOI 10.20339/AM.07-25.067

Ли Чжожу,
аспирант социологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия);
Заместитель генерального секретаря
Общества мировой политической экономики (Китай);
научный сотрудник Института исследований
государственной безопасности
Нанкайский университет (Китай)
e-mail: liz@my.msu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Первая часть формирует концептуально-методологический фундамент исследования, посвященного институционализации празднования Дня Победы в современной России. Опираясь на теорию символического капитала П. Бурдьё, концепцию структуризации и сетевой власти, автор предлагает трехуровневую модель «государство – партии – общество», описывающую превращение коллективной памяти в признанный символический ресурс. Уточняются ключевые понятия, формулируются исследовательские вопросы и гипотезы о связи ритуализированного воспоминания с социальной сплоченностью и политической легитимацией. Обосновывается комбинированная методология (включенное наблюдение, анализ документов, сравнительный дискурс-трекинг) и оцениваются ее пределы валидности. Часть I задает аналитическую рамку и операционализируемые индикаторы, необходимые для эмпирической проверки во второй части.

Ключевые слова: коллективная память, символический капитал, институционализированный ритуал, теоретическая рамка, методология.

SOCIAL MEMORY AND SYMBOLIC CAPITAL: INSTITUTIONAL PRACTICES OF VICTORY DAY CELEBRATION IN MODERN RUSSIA

PART I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND INSTITUTIONAL CONTEXT

Li Zhoru, PhD student at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia) and Deputy Secretary General of the World Association for Political Economy (WAPE) and Visiting Scholar at the Institute for State Security Studies, Nankai University (China), e-mail: liz@my.msu.ru

Part I establishes the theoretical and methodological scaffolding for analysing how contemporary Russia converts Victory Day remembrance into symbolic capital. Synthesising Bourdieu's notion of symbolic capital with structuration and network-power approaches, the paper advances a tri-level 'state – party – society' model that maps the institutional pathways through which collective memory becomes a strategic resource. Key concepts are refined and working hypotheses set out concerning the link between ritualised memory, social cohesion and regime legitimacy. A mixed qualitative design – participant observation, document analysis and comparative discourse tracing – is justified, delineating validity boundaries. Thus, Part I supplies an analytically consistent framework and operational indicators for the empirical tests reported in Part II.

Keywords: collective memory, symbolic capital, institutional ritual, theoretical framework, methodology

Введение

В рамках социологической исследовательской парадигмы уже давно признано, что коллективная память, рассматриваемая в качестве важного социального ресурса, не только служит объектом интенсивного анализа в контексте институционализации, но и играет ключевую роль в раскрытии социальной функции символического капитала. При этом феномен коллективной памяти нельзя свести к про-

стому воспроизведению исторических фактов. Напротив, она проникает в структуру групповых смыслов, культурных норм, ценностных ориентаций и накопленного опыта, становясь фундаментальным элементом, который конституирует и укрепляет групповую идентичность¹. Настоящее исследование нацелено на детальное выявление того, каким образом российское общество посредством различных государственных механизмов институционализирует память о победе СССР в ВОВ, а также на всесторонний анализ влия-

¹ Цзуляти Сымайи, Лю Цинбин. (2023) Исследование формирования общественного сознания китайской нации в области культурных символов [27. С. 212–218].

ния данного процесса на характер взаимодействия между разнообразными социальными слоями и на конфигурации партийных отношений.

В рамках исходной гипотезы предполагается, что современное российское государство, опираясь на систему институционализированных ритуалов, исторического образования и медиакоммуникации, сумело трансформировать упомянутую память в повсеместно распространенный символический капитал, способствующий укреплению социальной сплоченности и поддержанию общественного порядка. В то же время наблюдаются существенные различия в степени вовлеченности и в интерпретациях данной коллективной памяти со стороны различных социальных страт и политических партийных групп, что указывает на сложное, многоплановое взаимодействие между социальной структурой и символическим капиталом и свидетельствует о том, что формализованное историко-символическое наследие не является статичным и подвержено переосмыслению в зависимости от групповых интересов и стратегий.

В теоретико-методологическом отношении в данной работе синтезируются концепции Л.П. Альтюссера о механизмах воспроизводства институциональной идеологии, теория символического капитала и социального габитуса Пьера Бурдьё, теория структурирования Энтони Гидденса и анализ сетевых форм власти Майкла Манна; подобное сочетание подчеркивает, что институционализированная коллективная память, аккумулируя символический капитал и формируя социальный габитус, способна выступать в роли существенной структурной силы, но одновременно остается динамически зависимой от индивидуальных и групповых стратегий действия. В рамках данной теоретической схемы особо рассматриваются внутренняя логика перечисленных подходов и пути их интеграции, включая анализ идеологической институционализации (Л.П. Альтюссер), вклад П. Бурдьё в понимание микросоциальных практик и природы символического капитала, концептуализацию Гидденсом двунаправленного взаимодействия структуры и действия, а также методологические преимущества плюралистического анализа социальной власти, предложенного Майклом Манном.

В разделе эмпирического анализа предпринимается проверка релевантности ранее сформулированных теоретических положений путем комплексного качественного исследования конкретных эмпирических данных, отражающих специфику российского общества. Согласно полученным результатам, современное российское государство рассматривает ВОВ как краеугольный фактор формирования национальной идентичности и коллективной исторической памяти. При этом посредством различных институ-

ционализированных механизмов — охватывающих систему образования, правовые регулятивы и мемориальные церемонии — оно эффективно трансформирует социальную память о победе в упомянутой войне в общепринятые социальные нормы и устойчивый символический капитал². Данный символический капитал не только способствует упрочению общественной сплоченности в целом, но и отражает многообразие социальных стратификаций, динамику поколенческих различий и партийных взаимодействий. В частности, это проявляется в стремлении правящей партии конструировать универсальные общенациональные нарративы для усиления социальной интеграции, тогда как оппозиционные силы, к примеру, КПРФ, акцентируют эмоциональную связь между историческими нарративами и определенными слоями населения, тем самым укрепляя социальную базу собственной классовой идентичности.

В заключительной части исследования авторы возвращаются к исходным теоретическим предположениям, подтверждая значимость институционализированной коллективной памяти в качестве символического капитала и указывая на ее относительную автономию, которая обеспечивает ей способность выполнять интегративную функцию даже в условиях существенных изменений социальной структуры. Кроме того, подчеркивается, что различия во включенности различных социальных групп и политических акторов в практики коллективной памяти наглядно демонстрируют перманентный процесс взаимодействия между социальной структурой и деятельностью. Таким образом, представленная работа предлагает всесторонний и глубокий теоретический анализ феноменов коллективной памяти, социальной власти и структурного взаимодействия, основанный на сочетании эмпирических и институционалистских исследовательских подходов с критической социологической перспективой европейской традиции.

Теоретическая основа: символический капитал и механизм институционального воспроизводства социальной памяти

С точки зрения классического марксизма идеология трактуется как социальный инструмент, посредством которого правящий класс закрепляет собственные интересы и обеспечивает свое господство. При этом государство с помощью разнообразных механизмов воспроизводит такую идеологию, которая в наибольшей степени отвечает интересам господствующего класса. Согласно сформулированной К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции, «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т.е. класс, являющийся господствующим».

² Лу Либэ, Лю Цзиньхуа. (2020) Исследование воспитания патриотизма в условиях конструирования исторической памяти об ВОВ в России [19. С. 60–68].

щей материальной силой общества, является в то же время его господствующей духовной силой»³. Теория идеологического государственного аппарата, предложенная Луи Альтюссером, развивает это положение, указывая, что для поддержания определенных производственных отношений в рамках конкретной социальной формации необходимо, чтобы господствующая идеология распространялась и закреплялась посредством соответствующих государственных институтов. Помимо институтов принуждения, таких как армия и полиция, значимую роль в данном процессе играют и социальные институты, формально относящиеся к гражданскому обществу или частной сфере, — в частности школы, средства массовой информации, религиозные организации и культурные ритуалы. Несмотря на свой формальный статус и часто кажущуюся независимость, именно эти институты, демонстрирующие видимое разнообразие и относительную невидимость своей идеологической функции, фактически олицетворяют ценностные ориентации правящего класса и в существенной мере влияют на формирование мировоззрения и моделей поведения членов общества⁴.

Если обратиться к вопросу о коллективной памяти касательно победы Союза ССР в Великой Отечественной войне в рамках современного российского общества, то данное явление может рассматриваться в качестве показательного примера функционирования вышеописанного социального механизма. Как отмечал К. Маркс: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁵. В соответствии с этой логикой, современное российское государство транслирует гражданам специфические военные нарративы и ценности посредством разнообразных средств, включая историческое образование, памятные церемонии, кинематограф, телевидение и литературу, в результате чего данные установки постепенно интериоризируются в коллективную социальную идентичность, формируя единую национальную память и укрепляя социальную сплоченность. Тем самым данный процесс воплощает механизм социального структурирования, или, иными словами, демонстрирует неразрывную взаимосвязь между символическим капиталом, социальным габитусом и коллективной памятью.

С позиции мезосоциологического анализа очевидно, что одной лишь коммуникации на общенациональном уровне недостаточно для всестороннего объяснения механизмов

широкого распространения и интернализации коллективной памяти. Теоретические концепции Пьера Бурдьё, напротив, предлагают аналитическую рамку мезоуровня, позволяющую продемонстрировать, как культурный и социальный капитал в процессе социальной практики трансформируются в капитал символический, т.е. в такой ресурс, который общество признает и наделяет авторитетом⁶. Память о победе Союза ССР в Великой Отечественной войне выступает одной из форм подобного символического капитала:

- ♦ для государства славные подвиги и жертвы, воплощенные в образе победы, становятся ресурсом, используемым правящим классом с целью упрочения собственного социального статуса и легитимности;
- ♦ для рядовых граждан участие в памятных мероприятиях означает обретение социального признания и формирование чувства личной чести.

В данном контексте следует отметить, что подобный символический капитал постепенно интегрируется в систему привычек людей в ходе их социализации. Под привычками в социологическом смысле понимаются устойчивые и долговременные схемы мышления и поведения, формирующиеся на протяжении значительного отрезка времени в результате внешнего воспитания и повседневных практик. После продолжительного периода ритуального почитания и воспитательного воздействия социальная память о победе советского народа в Великой Отечественной войне укоренилась в привычках членов российского общества, проявляясь в благоговейном отношении к жертвам предков, чувстве национальной гордости за историческую победу и особом почтительном участии в определенных общественных ритуалах. При этом процесс поминовения не является целиком и полностью зависящим от индивидуальной воли — в конкретном социуме существуют силы, которые, действуя непрерывно и целенаправленно, направляют поведение людей в определенное русло⁷. Когда члены общества сознательно вовлекаются в памятные мероприятия, подобный поведенческий паттерн усваивается как нормативная социальная модель.

Если говорить о факторах, влияющих на формирование подобной социальной памяти, необходимо отметить, что она определяется не только социальной структурой, но и напрямую соотносится с социальными действиями индивидов и групп. Как известно, в теории структуризации Энтони Гидденса подчеркивается взаимно конституирующий характер связи между социальными структурами и

³ Маркс К., Энгельс Ф. (1979) Избр. произв.: в 3 т. [22. Т. 1. С. 39].

⁴ Althusser, L. (2024). Ideology and ideological state apparatuses: Notes towards an investigation. In *New Critical Writings in Political Sociology* [1. Pp. 299–340].

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений [15. Т. 8. С. 119].

⁶ Bourdieu, P., Richardson, J. (1986) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* [8. Pp. 241–258].

⁷ Лю Яцзю. (2020) Реляционная и обязательная память как структуры социальной памяти — культурное измерение коллективной памяти Жицина [20. Pp. 170–194, 245].

индивидуальными действиями: структуры предоставляют ресурсы и правила, необходимые для деятельности, а акторы в процессе конкретных социальных практик либо воспроизводят, либо модифицируют эти структуры. В случае с российскими практиками памяти о Великой Отечественной войне государство создает институционализированные рамки и символическую атрибутику, тогда как члены общества посредством индивидуальных и групповых действий регулярно воспроизводят эти практики, превращая их в устойчивую социальную традицию. Одновременно разнообразие практик разных социальных субъектов придает данной коллективной памяти динамизм и сложность.

Еще в более широкую перспективу анализа социальных сетей власти теория Майкла Манна вносит дополнительную ясность в понимание роли идеологии, возникающей в контексте множественных взаимодействий социальной власти. Указывая на то, что источниками социальной власти являются идеологическая, экономическая, политическая и военная компоненты, которые взаимно влияют друг на друга в ходе формирования и развития социальных структур, Манн подчеркивает множественную природу власти в обществе. Несмотря на коренные социально-экономические трансформации, произошедшие после распада Союза ССР, коллективная память об Отечественной войне продолжает исполнять важную социальную функцию в современном российском контексте, свидетельствуя о ее относительной автономии как социального ресурса. Даже в условиях изменения социальной стратификации такая память сохраняет позитивную роль в обеспечении стабильности и социальной интеграции. Более того, коллективная память функционирует и как один из механизмов интеграции идентичности, оказывая влияние не только на достижение консенсуса и поддержание общественного единства, но и на содействие гармоничному социальному развитию⁸.

В частности, современные научные исследования, посвященные воспроизводству коллективной социальной памяти, наглядно продемонстрировали, что история — это не пассивно существующее прошлое, а социальное пространство, которое в настоящем активно конструируется, оспаривается и трансформируется самими социальными акторами⁹. Как указывал К. Маркс: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»¹⁰. В контексте российского общества подобная социальная конкуренция за исторические

нарративы проявляется в сложной системе взаимодействий между государственными институтами и многочисленными коллективными воспоминаниями. Здесь конкретные исторические интерпретации, формируемые органами власти, выполняют функцию опоры для социальной идентичности и таким образом укрепляют легитимную основу, необходимую для реализации политики¹¹. Исследование С. Грейвса, посвященное семиотическому анализу главных храмов Вооруженных сил Российской Федерации, помогает прояснить механизмы функционирования политики официальной памяти в современной России. Автор отмечает, что синтез православных традиций с памятью о ВОВ СССР дает возможность сформировать специфический социальный нарратив, преодолевающий исторический разрыв и отвечающий актуальным потребностям национальной идентичности¹². Данный особый способ конструирования социальной памяти не только видоизменил социокультурное значение войны, но и сыграл значительную роль в социальной мобилизации и укреплении политической легитимации в условиях недавних геополитических конфликтов, включая специальные военные операции.

Память о войне, и в особенности о ВОВ, продолжает оказывать значительное социальное воздействие и вызывает повышенный интерес исследователей по всей Восточной Европе. Согласно исследованию Ани Фрей, еще в советский период музеи в Москве, Киеве и Минске играли центральную роль в конструировании официальной памяти о войне. Безусловно, данные музеи функционировали в строгих рамках государственной идеологии; тем не менее местные музейные работники нередко проявляли определенную степень творческой инициативы, что позволило региональным особенностям и личным авторским решениям оказывать влияние на тонкости и детали исторических нарративов¹³. Данный историко-социальный феномен показывает, что даже в условиях высокоцентрализованных систем процесс социального конструирования памяти оказывается результатом взаимной коммуникации и переговоров между центральными директивами и локальными практиками. Именно в этом и кроются важные исторические корни современной «памяти о победе» в России.

После развала Союза ССР и радикального изменения геополитического ландшафта «память о победе» превратилась в один из ключевых символов формирования национального единства, которому современное российское

⁸ Ли Шаося, Вэй Ли, Юэ Чжэчжэ. (2024) Измерение коллективной памяти в укреплении сознания общности китайской нации: трёхвременная конструкция, основанная на диахронии, синхронии и актуальности коллективной памяти [17. С. 76–87].

⁹ George Soroka & Félix Krawatzek (2021) When the Past Is Not Another Country: The Battlefields of History in Russia [5. Pp. 353–367].

¹⁰ Маркс К, Энгельс Ф. (1955) Полное собрание сочинений [15. Т. 3. С. 2].

¹¹ Griffin, S. (2024). Putin's holy war of the fatherland: Sacred memory and the Russian invasion of Ukraine [7. Pp. 79–92].

¹² Griffin, S. (2024). [7. Pp. 78–92].

¹³ Free, A. (2024). Exhibiting the Great Patriotic War in Soviet capitals: Moscow, Kyiv, Minsk [3. Pp. 141–158].

государство придает первостепенное значение. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что судьба конкретных мемориальных объектов «памяти о победе» в странах Восточной Европы — ценимых Россией памятников — стала заметным социальным феноменом, тесно связанным с процессами «десоветизации» и характером отношений этих государств с Россией. Во внутренней политике Российской Федерации память о победе занимает важнейшую роль, служа фактором сплочения общества: согласно опросам, «победа в Великой Отечественной войне» — это историческое событие, которым россияне гордятся в наибольшей степени. Историк Дмитрий Андреев подчеркивает, что День Победы и сопровождающие его воспоминания способны эффективно консолидировать страну, содействуя национальному единству и согласию¹⁴. М. Гобовинский представил концепцию «миметической де-мемориализации», опираясь на анализ состояния советских военных мемориалов в Восточной Европе (см. соответствующий интернет-ресурс). По его наблюдениям, акты вандализма в отношении советских памятников заметно участились после начала Специальной военной операции в 2022 г., причем основная их концентрация приходится на Польшу, страны Балтии и некоторые регионы Украины. Исследователь также выдвигает гипотезу о том, что подобный процесс демонументализации в значительной мере воспроизводит ранее принятую в Польше стратегию систематического сноса памятников, вызвавшую схожие общественные дискуссии. Вместе с тем М. Гобовинский подчеркивает, что отношение местного населения к этим объектам памяти остается неоднородным и зачастую противоречивым, а официальные кампании по удалению памятников, имеющие политический подтекст, нередко игнорируют данное многообразие мнений¹⁵.

Проблематика ВОВ на территории Украины усложнилась особенно после 2022 г. В исследовании И. Склокиной детально рассматриваются различные стратегии сохранения, демонтажа и повторного использования военных памятников, указывая на тенденцию украинского общества к своеобразной «секьюритизации» исторического наследия в условиях конфликта и острой необходимости восстановить коллективную идентичность. Несмотря на разнообразные художественные реновации и призывы к сохранению исторического наследия, на практике значительное число малых и средних памятников было оперативно демонтировано, а процесс их музеефикации продвигался сравнительно медленно. Данное явление отражает противоречие между многоуровневой сложностью символических интер-

претаций памяти и реальными политическими практиками в экстремальном социальном контексте страны¹⁶.

Для Беларуси, являвшейся в прошлом союзной республикой Союза ССР, характерна еще одна специфика политики социальной памяти. По мнению О. Гуринович, Беларусь, находящаяся в статусе союзной страны, обладает исторической памятью, которая во многом зависит от внутренней политической системы и от влияния России. В отличие от ряда других постсоветских государств, в Беларуси не было зафиксировано крупных актов вандализма в отношении советских памятников. Напротив, протестующие, как правило, старались включить памятники в новые протестные контексты. Так, акции, предполагающие символическую окраску памятников Пушкину или критическую выставку «Репрессированные произведения», демонстрируют способы, которыми различные социальные группы неявно взаимодействуют с официальными историческими нарративами в жестко ограниченных условиях¹⁷.

В то же время практики социальной коллективной памяти транснациональных диаспор иллюстрируют глобализированные и опосредованные аспекты политики «триумфальной памяти», на которую претендует Россия. В частности, исследование О. Давыдова-Мингет, посвященное этническим русским мигрантам и шествию «Бессмертного легиона» в Финляндии, демонстрирует, каким образом эти мигранты реализуют практики коллективной памяти в условиях «конфликта памяти». Ее анализ показывает, что этнические русские мигранты формируют и укрепляют транснациональные сообщества с помощью современных медиатехнологий и сохраняют прочную связь с социальной памятью родной страны, активно пользуясь русскоязычными СМИ. При этом медиатизация, с одной стороны, способна укреплять взаимоотношения внутри диаспоры, а с другой — может усиливать раскол в сфере памяти, еще более усложняя взаимодействие между диаспорой и основной социальной памятью¹⁸.

Таким образом, историческая память в современных социологических исследованиях предстает как исключительно динамичная сфера, где само понятие «память» всё более осмысливается в контексте ее конструируемого и политически нагруженного характера, а также ее тесной взаимосвязи с процессами социальных изменений. В совокупности эти исследования указывают на то, что социальная память не только формируется под воздействием институтов и дискурсов, но и динамически реагирует на трансформации

¹⁴ Ли Жуйцзинь. (2018) Переосмысление «советской памяти» и защита национальных героев: государственная стратегия России по борьбе с историческим нигилизмом [16. С. 65–72, 96].

¹⁵ Gabowitsch, M. (2024) Mimetic De-commemoration: The Fate of Soviet War Memorials in Eastern Europe in 2022–2023 [4. Pp. 1–9].

¹⁶ Sklokina, I. (2024) World War II Monuments in Ukraine: Protection, Dismantling, Reuse since 2022 [9. Pp. 1–15].

¹⁷ Gourinovitsh, O. (2024) The Borderline State: Belarusian Wars of War Memories since 2020 [6. Pp. 1–12].

¹⁸ Davydova-Minguet, O. (2022) Performing memory in conflicting settings: Russian immigrants and the remembrance of World War II in Finland [2. Pp. 225–247].

социальной структуры. Вместе с тем и в политологии, и в социологии, уделяющих особое внимание социальным ритуалам и практикам мемориализации, различия и параллели в парадигмах российской власти при интерпретации памяти о ВОВ за последние годы стали объектом всё более пристального научного интереса.

В современном академическом дискурсе утвердилось мнение, что процесс конструирования социальной памяти неотделим от институционализированных практик и сложных механизмов взаимодействия социальных акторов. Как отмечает российский исследователь В.С. Бешкинская, в последние годы правящие круги Российской Федерации существенно усилили официальную интерпретацию и институционализировали коммеморативные практики, связанные с «памятью о Победе», сделав ее важным символическим ресурсом для укрепления социальной сплоченности и повышения легитимности режима¹⁹. Схожий взгляд высказывает и российский исследователь К.А. Пахалюк, который подчеркивает ключевую роль национализма, указывая на то, что правящий режим в России прибегает к националистическому дискурсу для формирования унифицированной национальной памяти, преследуя тем самым цели широкой социальной интеграции и укрепления легитимности собственного правления²⁰.

В качестве ответа на данный феномен исследования А.Г. Иванова и А.А. Целиковского подчеркивают решающее значение медиасреды при формировании общественного восприятия истории, обращая внимание на то, что массовые коммуникации не только транслируют официально одобренные нарративы, но и активно конструируют их, способствуя укоренению определенной исторической интерпретации в сознании широкой аудитории²¹. Они проводят детальный анализ того, как в российском медиапространстве трансформируется образ советского прошлого, придавая особое значение стратегиям манипулирования исторической памятью посредством медийных нарративов и политического дискурса²². А.А. Целиковский особо выделяет, что механизмы воспроизводства исторической памяти, на которые полагалась КПРФ, в первую очередь опирались на социалистический символический капитал, аккумулированный со временем промышленным рабочим классом и пожилыми представителями общества. В то же время правящие власти делали ставку на националистические

нарративы и соответствующий символический капитал, позволяющий достигать значительно большего потенциала социальной мобилизации. Подобная точка зрения наглядно демонстрирует дифференцированные функции различных нарративов социальной памяти в процессе классового взаимодействия и социальной интеграции между политическими партиями²³. Кроме того, в исследовании А.А. Линченко и Р.Ю. Батищева высказывается предположение, что символический капитал имперских мифов, сохраняющий свою силу в посткоммунистических и постколониальных обществах, продолжает воспроизводиться посредством разнообразных символов и ритуалов, тем самым влияя на траекторию институционализации социальной памяти²⁴.

С позиции партийных эффектов следует подчеркнуть, что память о военных победах, формируемая КПРФ и правящими властями, отличается не только содержанием, но и социально-классовыми основаниями, а также специфическими способами формирования и распределения символического капитала. Так, в своем анализе изменений в российском законодательстве О.Ю. Малинова и Н.В. Карпова указывают, что через институционализированную правовую практику правящая власть фактически добилась монополии на историческую память, тем самым конструируя модель социальной идентичности с участием всего народа²⁵. В противоположность этому, нарративы КПРФ, связанные с коллективной памятью по классовому признаку, в еще большей степени опираются на присущий некоторым социальным слоям — прежде всего промышленному рабочему классу и представителям старших поколений — специфический социальный габитус, формируя тем самым классово ориентированную практику мемориализации. Кроме того, в работе В.Н. Евремовой и Е.Ю. Мелешкиной подчеркивается политическая функция исторических нарративов²⁶, указывая, что селективные исторические интерпретации, создаваемые политическими партиями, часто превращаются в стратегический инструмент для формирования политической идентичности и усиления межпартийной конкуренции²⁷. Нарратив «социалистической памяти» КПРФ и националистическая модель, продвигаемая правящим режимом, в совокупности образуют многоуровневый механизм классового взаимодействия и формирования идентичностей в российском обществе. В этой связи заслуживает внимания позиция россий-

¹⁹ Бешкинская В.С. (2023) «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. [11. С. 94–113].

²⁰ Пахалюк К.А. (2023) Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России [24. С. 65–93].

²¹ Иванов А.Г. (2024) Атрибутивные характеристики мифологизации советского прошлого (на примере кластера «спорт») [13. С. 91–98].

²² Иванов А.Г., Целиковский А.А. (2024) «Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева [10. С. 265–279].

²³ Целиковский А.А. (2024) «Союз нерушимый»: формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность [26. С. 106–113].

²⁴ Линченко А.А., Батищев Р.Ю. (2024) Имперская мифосимволика в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических [18. С. 80–91].

²⁵ Малинова О.Ю., Карпова Н.В. (2023) Депутаты Государственной Думы акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» [21. С. 113–138].

²⁶ Евремова В.Н. Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ (Рецензия) [12. С. 316–325].

²⁷ Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. (2023) Использование образов советского прошлого в риторике Справедливой России и ЛДПР [23. С. 92–112].

ского исследователя В.В. Скоробогачко, подчеркивающего социальные механизмы, лежащие в основе нарративов о военных победах: в случае КПРФ особый акцент делается на связи между историческими событиями и конкретными классами как способе сохранения устойчивых классовых идентичностей и социального порядка – в противовес более всеохватным националистическим нарративам памяти, предлагаемым правящим режимом²⁸.

Благодаря ассимиляции и интеграции описанного выше теоретического фундамента, а также учету новейших академических разработок по рассматриваемой проблеме, предлагаемая в настоящем исследовании социологическая аналитическая схема получает возможность эффективно соединять перспективы структуры и действия, мезоскопи-

ческие механизмы культурного воспроизводства и многомерные формы властного взаимодействия. Иначе говоря, с одной стороны, память о победе в ВОВ функционирует как социальный ресурс, способствующий интеграции общества и отвечающий интересам господствующих групп посредством механизма символического капитала; с другой стороны, эффективность такой социальной памяти во многом определяется ее интернализацией членами общества, их практическим участием и подвергается влиянию разнородных социальных акторов. С опорой на данную интегративную концептуальную конструкцию в рамках последующего качественного исследования будет осуществлена проверка теоретических предпосылок, упомянутых выше, а также предложены ответы на соответствующие исследовательские вопросы.

Литература

- [1] *Althusser, L.* (2024) Ideology and ideological state apparatuses: Notes towards an investigation. In *New Critical Writings in Political Sociology* (pp. 299–340). Routledge.
- [2] *Davydova-Minguet, O.* (2022) Performing memory in conflicting settings: Russian immigrants and the remembrance of World War II in Finland. *East European politics and societies*, 36 (01): 225–247.
- [3] *Free, A.* (2024) Exhibiting the Great Patriotic War in Soviet capitals: Moscow, Kyiv, Minsk. *Studia Rossica Posnaniensia*, 49 (1): 141–158.
- [4] *Gabowitsch, M.* (2024) Mimetic De-commemoration: The Fate of Soviet War Memorials in Eastern Europe in 2022–2023. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–9.
- [5] *George Soroka & Félix Krawatzek* (2021) When the Past Is Not Another Country: The Battlefields of History in Russia, Problems of Post-Communism, 68:5, 353–367, DOI: 10.1080/10758216.2021.1966989
- [6] *Gourinovitch, O.* (2024) The Borderline State: Belarusian Wars of War Memories since 2020. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–12.
- [7] *Griffin, S.* (2024) Putin's holy war of the fatherland: Sacred memory and the Russian invasion of Ukraine. *The Russian Review*, 83 (1): 79–92. DOI: 10.1111/russ.12578
- [8] *Bourdieu, P., Richardson, J.* (1986) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, pp. 241–258
- [9] *Sklokina, I.* (2024) World War II Monuments in Ukraine: Protection, Dismantling, Reuse since 2022. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–15.
- [10] *Иванов А.Г., Целиковский А.А.* (2024) «Империя добра»: медиа-проработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева // Вестник Томского государственного университета. Филология, (92): 265–279. DOI: 10.17223/19986645/92/14
- [11] *Бешкинская В.С.* (2023) «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. // Политическая наука, (2): 94–113.
- [12] *Ефремова В.Н.* (2024) Когда этничность имеет значение: исследование политики идентичности республик РФ (Рецензия) // Политическая наука, (1): 316–325. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>
- [13] *Иванов А.Г.* (2024) Атрибутивные характеристики мифологизации советского прошлого (на примере кластера «спорт») // Вестник Томского государственного университета, (505): 91–98. DOI: 10.17223/15617793/505/9

References

- [1] *Althusser, L.* (2024) Ideology and ideological state apparatuses: Notes towards an investigation. In *New Critical Writings in Political Sociology* (pp. 299–340). Routledge.
- [2] *Davydova-Minguet, O.* (2022) Performing memory in conflicting settings: Russian immigrants and the remembrance of World War II in Finland. *East European politics and societies*, 36 (01): 225–247.
- [3] *Free, A.* (2024) Exhibiting the Great Patriotic War in Soviet capitals: Moscow, Kyiv, Minsk. *Studia Rossica Posnaniensia*, 49 (1): 141–158.
- [4] *Gabowitsch, M.* (2024) Mimetic De-commemoration: The Fate of Soviet War Memorials in Eastern Europe in 2022–2023. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–9.
- [5] *George Soroka & Félix Krawatzek* (2021) When the Past Is Not Another Country: The Battlefields of History in Russia, Problems of Post-Communism, 68:5, 353–367, DOI: 10.1080/10758216.2021.1966989
- [6] *Gourinovitch, O.* (2024) The Borderline State: Belarusian Wars of War Memories since 2020. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–12.
- [7] *Griffin, S.* (2024) Putin's holy war of the fatherland: Sacred memory and the Russian invasion of Ukraine. *The Russian Review*, 83 (1): 79–92. DOI: 10.1111/russ.12578
- [8] *Bourdieu, P., Richardson, J.* (1986) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, Westport, CT: Greenwood, pp. 241–258
- [9] *Sklokina, I.* (2024) World War II Monuments in Ukraine: Protection, Dismantling, Reuse since 2022. *kunsttexte. de-Journal für Kunst-und Bildgeschichte*, (1): 1–15.
- [10] *Ivanov, A.G., Tselikovsky, A.A.* (2024) "The Empire of Good": Media Coverage of the History of the USSR in Dmitry Kiselyov's Television Programs. *Vestnik of Tomsk State University. Philology*, (92): 265–279. DOI: 10.17223/19986645/92/14
- [11] *Beshkinskaya, V.S.* (2023) "Immortal Regiment of Russia": Symbolic and Practical Shifts in the Reproduction and Interpretation of Practice in 2019–2022. *Political Science*, (2): 94–113.
- [12] *Efremova, V.N.* (2024) When Ethnicity Matters: A Study of the Identity Politics of the Republics of the Russian Federation (Review). *Political Science*, (1): 316–325. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.13>
- [13] *Ivanov, A.G.* (2024) Attributive characteristics of the mythologization of the Soviet past (on the example of the cluster 'sport'). *Vestnik of Tomsk State University*, (505): 91–98. DOI: 10.17223/15617793/505/9

²⁸ Скоробогачий, В.В. (2023) Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф? [25. С. 67–95].

- [14] Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Полное собрание сочинений. Т. 3. М: Изд-во политической литературы. С. 2.
- [15] Маркс К., Энгельс Ф. (1957) Полное собрание сочинений. Т. 8. М: Изд-во политической литературы. С. 119.
- [16] Ли, Жуйцинъ. (2018) Переосмысление «советской памяти» и защита национальных героев: государственная стратегия России по борьбе с историческим нигилизмом // Исследования мирового социализма, 3 (4): 65–72, 96.
- [17] Ли, Шаося, Вэй, Ли, Юэ, Чжэжэ. (2024) Измерение коллективной памяти в укреплении сознания общности китайской нации: трехвременная конструкция, основанная на диахронии, синхронии и актуальности коллективной памяти // Исследования национальностей Гуанси, (4): 76–87.
- [18] Линченко А.А., Батищев Р.Ю. (2024) Имперская мифосимволика в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ // Вестник Томского государственного университета, (504): 80–91. DOI: 10.17223/15617793/504/8
- [19] Лу Либо, Лю Цзиньхуа. (2020) Исследование воспитания патриотизма в условиях конструирования исторической памяти об ВОВ в России // Сравнительные исследования в области образования, 42 (11): 60–68.
- [20] Лю Яцзю. (2020) Реляционная и обязательная память как структуры социальной памяти — культурное измерение коллективной памяти Жичина // Исследование социологии, 35 (02): 170–194, 245.
- [21] Малинова О.Ю., Карпова Н.В. (2023) Депутаты Государственной думы акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Политическая наука, (1): 113–138.
- [22] Маркс К., Энгельс Ф. (1979) Избр. произв.: в 3 т. М.: Политиздат. Т. 1. 640 с. С. 39.
- [23] Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. (2023) Использование образов советского прошлого в риторике Справедливой России и ЛДПР // Политическая наука, (1): 92–112.
- [24] Пахалюк К.А. (2023) Трансформация политического использования памяти о нацистских преступлениях в современной России // Политическая наука, (2): 65–93.
- [25] Скоробогатский В.В. (2023) Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф? // Антиномии, 23 (4): 67–95. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_67
- [26] Целыковский А.А. (2024) «Союз нерушимый»: формы возвращения советских социально-политических практик в российскую действительность // Вестник Томского государственного университета, (505): 106–113. DOI: 10.17223/15617793/505/11
- [27] Цзуляти Сымайи, Лю Цинбин. Исследование формирования общественного сознания китайской нации в области культурных символов // Фронт общественных наук, (04): 212–218.
- [14] Marx, K., Engels, F. (1955) Complete Works. Vol. 3. Moscow: Publishing House of Political Literature. P. 2.
- [15] Marx, K., Engels, F. (1957) Complete Works. Vol. 8. Moscow: Publishing House of Political Literature. P. 119.
- [16] Li, Ruiqin. (2018) Rethinking 'Soviet Memory' and Protecting National Heroes: Russia's State Strategy to Combat Historical Nihilism. *Studies of World Socialism*, 3 (4): 65–72, 96.
- [17] Li, Shaoxia, Wei, Li, Yue, Zhezhe. (2024) Dimension of Collective Memory in Strengthening the Consciousness of the Chinese Nation: A Tritemporal Construction Based on Diachrony, Synchrony, and Relevance of Collective Memory. *Studies of Guangxi Nationalities*, (4): 76–87.
- [18] Linchenko, A.A., Batishchev, R.Yu. (2024) Imperial mythosymbolism in the modern political discourse of postcolonial and post-communist societies. *Vestnik of Tomsk State University*, (504): 80–91. DOI: 10.17223/15617793/504/8
- [19] Lu, Libo, Liu, Jinhua. (2020) A study of patriotic education in the context of constructing historical memory of the Great Patriotic War in Russia. *Comparative studies in education*, 42 (11): 60–68.
- [20] Liu, Yajiu. (2020) Relational and Obligatory Memory as Structures of Social Memory — the Cultural Dimension of Zhiqing's Collective Memory // *Research of Sociology*, 35 (02): 170–194, 245.
- [21] Malinova, O.Yu., Karpova, N.V. (2023). State Duma Deputies as Actors in Russian Memory Policy: Based on the Transformation of the Federal Law "On Days of Military Glory and Memorable Dates in Russia". *Political Science*, (1): 113–138.
- [22] Marx K., Engels F. (1979) Selected Works: in 3 vols. Moscow: Politizdat, Vol. 1. 640 p. Pp. 39.
- [23] Meleshkina, E.Yu., Tolpygina, O.A. (2023) The Use of Images of the Soviet Past in the Rhetoric of A Just Russia and the LDPR. *Political Science*, (1): 92–112.
- [24] Pakhalyuk, K.A. (2023) Transformation of the Political Use of the Memory of Nazi Crimes in Modern Russia. *Political Science*, (2): 65–93.
- [25] Skorobogatsky, V.V. (2023) The Fate of the USSR: Theoretical Riddle or Ideological Myth? *Antinomies*, 23 (4): 67–95. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_67
- [26] Tselykovsky, A.A. (2024) "The Unbreakable Union": Forms of Returning Soviet Socio-Political Practices to Russian Reality. *Vestnik of Tomsk State University*, (505): 106–113. DOI: 10.17223/15617793/505/11
- [27] Zuliati, Simayi, Liu, Qingbing. A Study of the Formation of Public Consciousness of the Chinese Nation in the Field of Cultural Symbols. *Front of Social Sciences*, (04): 212–218.